
АЛЕКСАНДР
МОКРОУСОВ
18+
РЕВОЛЮЦИОНЕР
ЗАГОВОР НАЧИНАЕТСЯ С АРЕСТА

Александр Мокроусов

Революционер

Серия «Слово джентльмена. Мужское историческое фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704721
Мокроусов, Александр Васильевич. Революционер: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256764-3

Аннотация

В 1917-м, спасая империю от приближающейся революции, царь Николай II возвращает в Россию крепостное право. С тех пор чиновники и госслужащие носят золотые крепостные браслеты, не имеют права собственности и подчиняются главе правительства, главному рабу империи, крепостному канцлеру.

2023 год. Российская империя празднует 410-летие дома Романовых.

Граф Арсений Булгаков, свободный гражданин и владелец автозаводов «Ладога», наслаждается жизнью молодого богача ровно до тех пор, пока император не просит об одолжении. Всего-то и нужно – втереться в доверие к революционерам и развалить заговор. За следующие семь дней граф окажется в тюрьме, влюбится, станет соучастником ограбления, умрет, переоденется в женское платье, жандармы объявят на него всеимперскую охоту.

Граф ненавидит сюрпризы и очень любит строить планы. Вот только, вы же знаете, как рассмешить Бога?

Содержание

Вступление 6
Глава первая 14
Глава вторая 28
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александр Мокроусов
Революционер

© Мокроусов А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Вступление

Пистолет, направленный мне в лицо, портил все впечатление от вечера.

Хотя не так. Человек, стоящий передо мной, был весь в целом отвратителен. Сальные волосы, низкий лоб, маленькие глазки и желтые зубы. Неопрятная мешковатая куртка, грязно-серые джинсы и стоптанные кроссовки. Пластиковые китайские часы на левой руке – и черный, отвратительно блестящий револьвер – в правой.

– Ваше Превосходительство, взгляните, будьте так любезны, на пистолет этого молодого человека, – я поворачиваюсь вправо к сидящему по соседству полковнику Никитаеву. – Иван Никитич, вы, как человек военный, можете отличить бутафорский револьвер от настоящего? А то я не знаю, мне рассмеяться или под стол лезть.

– Вы, Ваше Сиятельство, под столом? Занятно было бы взглянуть. – Полковник Никитаев ловко накручивает на палец серебряную цепочку, вынимает из жилетного кармашка монокль, вставляет его в правый глаз и обращается к стоящему перед нами мужчине: – Господин бандит, не могли бы вы убрать большой палец, мне барабан не видно. – И, словно извиняясь, обращается ко всем сидящим за столом: – Я сам огнестрельного оружия в руках уже лет пять не держал, боюсь обмануться…

Ужин был по-военному скромен и великолепен одновременно. Дам за столом не было, потому никаких салатов, десертов и вазочек с цветами. Стейки, печеная картошка, овощи с аппетитными следами мангальной решетки и деревянные перечные мельницы для тех, кого не обжег огненный кайенский соус. Сухое кубанское вино идеальной температуры, когда бокал еще покрывается росой, но аромат уже не скован холодом, ледяная питерская водка и пузатые бутылки черного гавайского рома. Официанты-корнеты, которых не видишь, но стоит твоему фужеру опустеть или салфетке упасть на пол – они тут же оказываются рядом. Такие же ненавязчивые блюзы вперемежку с оперными ариями, совершенно не мешающие тихо разговаривать, но стоит возникнуть паузе – и вот уже саксофон, губная гармошка или драматическое сопрано льются из умело спрятанных колонок.

Банкиры за ужином обсуждают искусство, художники говорят о деньгах.

За обеденным в большой столовой, а затем за карточным в курительной комнате столом общежития обсуждали все.

Легкая беседа ни о чем, когда собеседники примерно одинаково образованы, имеют схожий вес в купечестве, дворянстве или на госслужбе, но приятельствуют они совершенно не по работе, а так, от случая к случаю собираются за одним столом сначала вкусно поесть, потом азартно поиграть, при этом вспоминая смешные истории об общих знакомых или делясь последними придворными сплетнями.

– Я на днях приобрел на онлайн-аукционе нового повара, француза, между прочим, две звезды Мишлена, – князь Александр Сергеевич Малинин, известный гурман и удачливый картежник, крутит в тонких пальцах хрустальный, бордово искрящийся бокал и обводит взглядом всех присутствующих за большим игральным столом. – Так что жду вас, господа, у себя в Румянцеве в будущий четверг.

– Четверг – рыбный день, – ворчит старый промышленник герцог Август Кох, семья которого обрусела еще при прошлом императоре. – Я бы на вашем месте, Александр Сергеевич, импортных рабов не приобретал, наслышаны, знаете ли, как их сертифицируют. Наших, только наших крепостных. Я вот давеча на биржу труда прошение подал на водителя, – старому пятьдесят стукнуло, он на волю ушел, так мне таких справных мужичков на выбор прислали, что там

ихнему Шумахеру. Хотя и до́роги, конечно, государевы люди, но зато – гарантия качества.

В этот момент большая дверь распахнулась, и в комнату ворвались трое. Все в темных куртках из турецкого кожзама, пузырящихся на коленях индийских джинсах и тряпичных вьетнамских кроссовках. Типичные городские обыватели, свободные граждане, коих сотни перемещаются по тротуарам любого российского города в любое время дня и ночи. Вот, кстати, вопрос достойный знатоков из «Что? Где? Когда?»: куда эти люди постоянно идут со своими неизменными пластиковыми пакетами и черными спортивными сумками? И что они в них носят? Большинство из них не имеют постоянной работы, ибо для таких свободных граждан любой наем – это путь к рабству. Да и пожелай они трудоустроиться, конкурировать с обученными государевыми крепостными им было бы сложно. А в купечество идти они боятся, потому как купец, он головой за свое дело отвечает, легче, а главное – спокойнее, поденщиком или на пособие…

Однако у зашедшей на огонек троицы в руках были отнюдь не сумки. Один размахивал дворянской дуэльной саблей, второй крутил казачью шашку, а у того, кто подошел ко мне, в руках был блестящий, словно измазанный жиром, револьвер. Его-то он мне в лицо и направил, чем испортил совершенно замечательный вечер.

– Мы, боевая ячейка освободительного движения, требу-

ем немедленного подписания манифеста об отмене крепостного права, – держащий меня на прицеле молодой человек, а сейчас я смог разглядеть, что юноше никак не больше восемнадцати-девятнадцати лет, говорил нервно, словно выкашливая слова. – Вы, купцы и дворяне, довольно держали в рабстве рабочих и крестьян, пришло время свободы и равенства.

– Что-то я у вас, молодые люди, браслетов на руках не вижу. Вы, милостивый государь, игрушку свою спрячьте и вокруг оглянитесь. Может, вы у крепостных спросите, хотят ли они вашего манифеста, – Его Высокопревосходительство генерал Мусатов, наш сегодняшний радушный хозяин, вскинул левую руку и демонстративно потряс золотым браслетом крепостного. – Если вы, мой милый друг Жорж Дюруа, по молодости лет в крепостную влюбились или кто из родственников в кабалу продался, так вместо разбоя вам работать следует идти, я вижу, руки-ноги у вас есть, деньги на выкуп заработать за пару лет любой способен.

– А мне кажется, господа, что наши гости просто дверью ошиблись, – так же демонстративно откинув левый рукав, взялся за свой, крупной вязки, золотой крепостной браслет заместитель градоначальника – статский советник Семенов. – Вероятно, юноши увидали во дворе общежития высшего офицерского состава несколько роскошных «Байкалов», вот и решили, что на таких машинах исключительно царедворцы могут разъезжать.

Не подумайте, что за игровым столом собрались совершенно бесстрашные люди. Просто уж слишком часто в последнее время обыватели начали проводить всякие акции, митинги или пикеты за отмену крепостного права. Недели не бывает, чтобы управляющие какой-нибудь из моих фабрик или заводов не позвонили мне и не сообщили об очередном провокаторе, забравшемся в цеха или общежитие крепостных рабочих. Вот только спасать обычно приходилось самих агитаторов, которых, чего греха таить, живущие не самой богатой на развлечения жизнью рабочие с удовольствием поколачивали, а то и вовсе обмазывали вареньем из заводской столовой и, вываляв в пуху взрезанных подушек, отправляли восвояси. Даже оружие в руках наших гостей не вызывало острых эмоций. Убийств вне дуэльного поединка или банальных бытовых ссор не случалось на территории Российской империи уже лет десять, вероятность, что именно эти вот зеленые юноши откроют счет, очень и очень мала. Тем более пистолет. Огнестрельное оружие давно уже не используется даже полицией. Пистолеты, винтовки и автоматы есть лишь у отдельных частей жандармского корпуса и в армии, да и то они не покидают расположения воинских частей. Шансы на то, что смотрящий мне в лицо револьвер приобретен в магазине сувениров, стремятся к сотне процентов.

Тем временем двери вновь распахиваются, и в комнату врывается дюжина военных. Сноровисто размахивая, словно

полицейскими дубинками, оставленными в ножнах шашками, юнкера бегут к троице молодых боевиков.

Я – свободный гражданин, купец граф Арсений Булгаков, мне двадцать восемь, я молод, силен и богат. Многие женщины, и это не только мои сотрудницы, считают меня не красавцем, но симпатичным. Моя внешность намекает на семейное благополучие минимум пары поколений. Это всегда заметно: запланированная беременность, перинатальный уход, педиатрия вместе с правильным питанием, ортодонт – мальчику и фитнес-инструктор – юноше.

Но при этом я, наверное, не очень умен. Ведь не зря говорят, что бояться может только тот, кто умеет предвидеть последствия. А я спокойно смотрю на масляно блестящее дуло и думаю не об опасности быть застреленным, а о планах на ближайшее время. Вечером у меня многообещающее свидание с новой знакомой, примой приехавшего на гастроли берлинского театра, а на завтра запланированы переговоры с индусами, после которых мой автомобильный завод «Ладога» выйдет на рынок Индийского Раджистана. И единственный волнующий меня вопрос сейчас – зайти ли мне с валета или все же скинуть девятку.

Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах…

Глава первая

История всегда идет по спирали. Она не повторяется, а лишь рифмуется, становясь драмой в стихах.

Россия в двадцатом веке стала ярким примером гегелевского закона диалектики: все старое будет вытеснено чем-то новым, и все новое когда-то станет старым.

Летом 1914-го, после выстрела в Сараево, Россия вступилась за союзную Сербию и в коалиции с Великобританией и Францией выступила против Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Летом 1916-го, после успешного Брусиловского прорыва, Антанта уже готовилась к победе в войне, но и тут вмешались законы диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей, а попросту – «нет добра без худа».

Успехи российских войск на поле боя активизировали ра-

боту германских эмиссаров внутри страны. Пуды золота меняли владельцев, расшитые шелковой нитью кожаные мешочки с драгоценными камнями переходили из рук в руки, имения и целые волости меняли собственников.

К февралю 1917-го оппозиция, обильно орошенная германскими деньгами, имела все шансы организовать переворот, свергнуть Его Величество императора Николая II и вывести Россию из войны, развалив Антанту.

Страна трещала по швам. И тогда император сделал то, что спасло государство.

23 февраля 1917 года Николай II вернул в Российскую империю крепостное право. Отныне на гражданскую государственную службу принимались лишь крепостные, не имеющие права собственности и всецело принадлежащие империи люди. Помимо запрета на имущество, крепостные лишались избирательного права, права на неприкосновенность частной жизни, свободы передвижения, выбора места жительства или гражданства. Но и частной собственностью они не стали. Единственным их владельцем было государство, Российская империя.

Первыми надели золотые крепостные браслеты сенаторы, за ними все свое имущество передали в казну и стали буквально «государевыми людьми» члены Госсовета и министры. Ненадолго от них отстали военные, которые также перешли в крепостничество. Свободными гражданами оставались обыватели, рабочие, крестьяне, купцы и дворянство. И

хотя эти сословия формально были свободны, но от управления страной они были отстранены.

Начиная с 1918 года бесплатные высшее образование и медицину, гарантированные жилье и приличную пенсию после пятидесяти лет могли получить только те, кто подписал контракт с государством. Постепенно крепостные стали элитой в рабочем и чиновничьем классах, полностью вытеснили свободных граждан из армии и всех государственных структур. Пожелай свободный гражданин служить в каком-либо министерстве или в администрации, единственные вакантные места для него были бы позиции уборщика, шофера или повара. Иначе говоря, все управление государством, вся высококвалифицированная работа и служба в войсках стала прерогативой не имеющих собственности государевых людей.

Сотню лет спустя доля арендованных у государства крепостных рабочих на моих фабриках и заводах составляла больше трех четвертей. Я, разумеется, мог бы нанимать свободных людей, это даже стоило бы мне дешевле, но вот квалификация, ответственность и работоспособность людей государевых не идет ни в какое сравнение с вольнонаемным персоналом. Все равно что сравнивать театральный кружок при заводе с труппой Большого Императорского театра. После того как восемнадцатилетний подросток подписывал контракт с государством, за его спиной вставала целая ма-

шина государственного образования, здравоохранения и социального обеспечения.

И чтобы оставаться пользователями всех этих государственных благ после выхода на пенсию, крепостные должны очень стараться. И они стараются. Стараются, чтобы выйти на пенсию и стать свободными, состоятельными гражданами в пятьдесят. Потому и стоит их труд дороже свободного.

В том числе то, что мы никогда не экономили на персонале, позволило автозаводу «Ладога», семейному делу графов Булгаковых, занять почти десять процентов российского рынка легковых автомобилей, уступая лишь «Тойоте» из императорской Японии и «Генерал Моторз» из заокеанских Штатов. Вот только почетное третье место на внутреннем рынке «Ладога» заняла еще при моем покойном отце, графе Аркадии Дмитриевиче. А я в свои почти тридцать пока еще для семейного дела ничего знакового не сделал. Больше того, на пятки «Ладоге» наступает конкурент – «Байкал», неумолимо, год за годом отъедающий у нас по доле процента.

Почти мой ровесник, тридцатипятилетний Максим Поташов, вывел свой автомобильный завод «Байкал» на четвертое место с нуля за какие-то десять лет.

Потому и мысли о предстоящих переговорах с индусами занимали меня весь вечер, смазав впечатление от первого свидания с театральной примой. Разумеется, мысли о встрече с вайшьи – индийскими купцами – не помешали мне проводить даму до ее номера в «Метрополе».

– Арсений Аркадьевич, завтрак стынет.

Нет, когда-нибудь я обязательно уволю своего камердинера. Ведь есть же счастливчики, просыпающиеся по будильнику. Они могут отложить звонок на десять минут и досмотреть сон. Неужели я, не самый бедный купец империи, не могу себе этого позволить?

– Ваше Сиятельство, Арсений Аркадьевич, если вы пробежку пропустите, вы на меня потом весь день волком глядеть станете, у меня от этого изжога случится. Так что, будьте уж так любезны, вставайте. Пока холодок, пока машины газами воздух не изгадили…

Крепостного-воспитателя, с двумя высшими образованиями, медалями имперских соревнований по боксу и фехтованию, полиглота, свободно владеющего тремя европейскими и арабским языками, отец взял в аренду когда мне исполнилось четыре года. Пять лет назад Федор Степанович вышел на пенсию и получил вольную. Как ни уговаривали мы его остаться в доме, он все же ушел. Но спустя два года, в день похорон князя Аркадия Дмитриевича, Федор вернулся. Не говоря ни слова, он прошел в свою старую комнату и уже через десять минут взял на себя руководство арендованными поварами и лакеями, обслуживающими пришедших выразить соболезнования гостей.

Пробежка вокруг жилого комплекса, плавание и скакалка

в спортивном зале первого этажа и, после некоторого внутреннего спора, возвращение в пентхаус на лифте. Когда-нибудь я точно поднимусь по лестнице. Когда-нибудь потом.

Пробежка, получасовой заплыв и зарядка вместе с контрастным душем после непродолжительного сна привели меня в чувство и разбудили аппетит. Улыбаясь, вхожу в столовую. В будни я живу в городской квартире, тратить пару часов ежедневно на поездки усадьба – офис – усадьба нерационально, кухня в моем пентхаусе, конечно, не сравнится со своей сестрой в загородном доме, но для завтрака русская печь и не требуется.

В столовую я вхожу бодрым и готовым к битвам. Знал бы я тогда, что готовность пригодится почти сразу же, моя улыбка была бы чуть менее радостной.

Нет ничего приятнее, чем испытывать утренний голод, подходя к накрытому столу. Овсяная каша с ягодами, омлет с ветчиной, пара блинов с медом. И чашка крепкого чая. Следующие двадцать минут будут лучшими в моей жизни. Но вы же помните, что я недавно говорил о планах?

Федор уже ждет у стола и любезно отодвигает мне кресло.

– Цветы, стандартный букет, вашей знакомой отправлены, на новую встречу мадам приглашать будете?

– К сожалению, театр сегодня уже покидает столицу, посмотри, пожалуйста, расписание гастролей, она говорила, следующим у них Стамбул, потом Афины, я бы в Грецию на

вечер слетал, отправь через час второй букет с приглашением.

– Будет исполнено, Ваше сиятельство. Для встречи с делегацией Индийской торговой палаты забронирован зал в «Пушкине», меню я проверил, индийские гости будут довольны.

– Отлично. Проследи, чтобы из офиса после переговоров всю делегацию на «Ладогах» в ресторан отвезли, никаких микроавтобусов и уж тем более «Байкалов».

Откуда в России взялась традиция называть автозаводы именами озер, сейчас уже никто и не вспомнит. Может, от прадедушки российского автопрома – «Руссо-Балт»? Как обанкротился завод в 1919-м, так от названий морей и отказались, но вот поэтика воды в именах осталась. И если до коммерческих грузовых и пассажирских «Каспиев» и «Жигулей» мне дела нет, то вот с прямым конкурентом «Байкалом» я в «заклятой дружбе». Это самый молодой российский автозавод, но прыть, с которой он отбирает госзаказы и проникает на частный рынок, меня, признаться, пугает. Иногда мне кажется, что Максим Поташов, владелец компании, нашел на блошином рынке работающий магический шар и теперь с его помощью научился предвидеть сложности и находить перспективы.

От мыслей меня отвлекает камердинер. У Федора Степановича тренькает телефон, он смотрит на экран и взглядом просит разрешения ответить.

– Спасибо, я оценил ваш поступок, – послушав буквально пять секунд произносит мой камердинер. И тут же обращается ко мне: – Ваше Сиятельство, это консьерж, к нам идут жандармы. Трое, с оружием. На парковке две машины, гербовые, с сиренами.

Главной новостью сегодняшней новостной ленты стало рождение в Тульском зоопарке ежонка-альбиноса. Похоже, завтрашняя главная новость будет мрачнее, и в ней будет фигурировать мое имя.

В этот момент я впервые замечаю, что мой камердинер уже перешел ту черту, когда просто взрослый мужчина становится стариком. А ведь ему еще нет шестидесяти, отчего-то думаю я.

Моя семья имеет очень древние корни. Род графов Булгаковых всегда был одним из великих. Сестра моей прабабки даже вышла замуж за одного из великих князей, сложись история на птичий коготок иначе, род Булгаковых мог бы породниться с правящим императорским домом.

Когда в 1917-м дворянство было отстранено от государственных дел, мои предки ушли в купечество, или, как говорят наши западные соседи, «в бизнес».

После гибели отца три года назад я остался единственным наследником титула и владельцем всех производств. Разумеется, как дворянин и промышленник я часто сталкивался и даже вел дружбу с высшими чинами военного, гражданского

и духовного сословия столицы, не раз я бывал на приемах в государственном доме столичного полицмейстера. А вот с его коллегами из жандармерии меня судьба как-то не сводила. До сегодняшнего дня. Неужели мои частные контакты с Индийской торгово-промышленной палатой так заинтересовали Императорскую Службу безопасности, что меня приглашают на встречу? Хотя… Две спецмашины, вооруженная троица жандармов, не похоже это на вежливое приглашение.

– Ваше Сиятельство желает скрыться? С тремя жандармами я, безусловно, справлюсь… – Федор смотрит на меня совершенно серьезным взглядом. А ведь он не шутит. Он и правда готов, не спрашивая деталей, вступить в драку с государевыми людьми, чтобы дать мне сбежать.

– Не говори ерунды, проводи господ в столовую и распорядись подать гостям завтрак.

Оказать радушный прием гостям я не смог. Я и сам даже не доел кашу. Через пять минут, как был в легких серых кроссовках, голубых домашних джинсах и белой толстовке, я спускался в лифте. При этом мой гардероб был обогащен малоприметным аксессуаром – стальным наручником, привязавшим мою правую руку к левой руке жандармского ротмистра. Может быть, прима берлинского театра – жена какого-нибудь кайзеровского министра, и те несколько часов, что я провел в ее люксе, оскорбили чьи-то чувства? В оправдание могу заявить, что прима была весьма довольна. Или для ее возможного супруга – это лишь отягчающий фактор?

От жилого комплекса на Большой Дмитровке до Бутырской тюрьмы на Новослободской наша пара «Байкалов» домчалась за пятнадцать минут. Пробок в столице по раннему времени еще не было, центр просыпается ближе к полудню. Интересно, отправить за мной конкурентные автомобили было чьей-то изысканной шуткой? Как бы то ни было, а отдел по работе с госкорпорациями в коммерческом департаменте «Ладоги» я точно взбодрю. Вот как только разберусь со своим арестом, так и взбодрю своих продажников, чтобы выбили «Байкалы» из государственных автопарков.

Кстати, по поводу ареста. Руководивший процессом майор ограничился лишь фразой о том, что я арестован, и советом проследовать с ними добровольно. Ни обвинений, ни каких-либо ордеров. Я не силен в полномочиях и процедурах жандармерии, возможно опричники и не подчиняются общим правилам, ведь висит у каждого на боку кобура, и это наверняка не полицейские шокеры. Как бы там ни было, оказывать физическое сопротивление я не стал и Федора от этого остерег. Даст бог, надолго я арестантом не останусь, вины за мной никакой нет, мой титул, семейные связи, а главное, оставшийся в квартире Федор очень скоро нажмут на нужные кнопки, и уже к вечеру я буду с извинениями отпущен домой. По крайней мере, спать я планирую в своей постели.

Однако даже самые радужные мысли о длительности моего пребывания в тюрьме оказались далеки от реальности. Я,

бывало, больше на заправочной станции времени проводил, чем в «Бутырке».

Въехав в арку со стороны Новослободской и поплутав по узеньким переулкам, мы въехали во внутренний дворик, с трех сторон окруженный красными кирпичными стенами.

– Следуйте за мной, Ваше Сиятельство, – пригласил меня майор, а все еще пристегнутый ко мне ротмистр, вероятно, для поддержания слов начальника хитро вывернул мою правую руку за спину так, что отказаться от приглашения у меня не было ни малейшего шанса.

Таким вот порядком: поручик со связкой ключей, споро отворяющий перед нами решетчатые двери, следом майор, за ним я, согнутый в греческую литеру «гамма», и завершает процессию ротмистр, умело, словно кормилом или румпелем, направляющий меня в фарватер Его Высокоблагородия.

Знай об этом аресте профессора, преподающие юриспруденцию в моем родном Негосударственном Императорском Московском университете, в лекции по праву было бы введено новое понятие – «экспресс-отсидка».

Наш поезд промчался через нутро «Бутырки» транзитом, без единой остановки. Но не это натолкнуло меня на крайне интересную мысль, а то, как мы прошли через внутренности тюрьмы.

Я не охотник, но в высшем свете, среди дворянства эта мускулинная забава крайне популярна, потому хоть что-то

об охоте я все же знаю. Например, то, что лисы – одни из самых умных животных в природе и одной из их способностей является умение запутывать следы, спасаясь от погони. Убегая от охотника, лиса может многократно пересекать свои собственные следы, делать круги, менять направления. Будучи скаутами, мы, дворянские подростки, ученики частных лицеев, даже, помнится, играли в «Охоту на лис»: бегали по подмосковным лесам с самодельными радиоприемниками и разыскивали «лис» – спрятанные наставниками радиопередатчики.

Будто спасающаяся от собак лисица, наша группа кружила по «Бутырке». У меня отличное чувство местности, потому уже на второй минуте я понял, что мы не просто переходим из одного крыла тюрьмы в другое, а именно что кружим, словно мы самураи из императорского Ниппона, для которых важен путь, а не адрес.

Сделав, по моим прикидкам, не менее трех кругов по мрачным внутренностям «Бутырки», через неприметную, высоко и противно скрипящую дверь наша группа вываливается в тенистый и пахнущий плесенью дворик. Вокруг совершенно казенные дома: судя по отсутствию балконов и убогой похожести занавесочек, это какие-то общежития или профучилища. Судя по запаху, суверенитет и неприкосновенность здешних мусорных контейнеров нарушается муниципальными службами не чаще одного раза в пару недель. Отличное место для того, чтобы зарубить арестанта при попытке к бег-

ству…

Но когда с меня сняли наручник и все еще настойчиво, но уже вежливо пригласили сесть на пассажирское сиденье стоящего во дворе, в уголь затонированного автомобиля, тогда я уже понял, что все предыдущие полчаса были не чем иным, как подготовкой меня к встрече.

Значит, все-таки индусы. Значит, сейчас кто-то, привычный к обращению «Ваше Высокопревосходительство», станет рассказывать о важности соблюдения государственных интересов в работе с Раджистаном, а вот это вот путешествие будет как бы обратной стороной, альтернативой, которая станет реальностью, если я решусь поставить свои купеческие интересы выше государственных.

Сидя на кожаном диване автомобиля, везущего меня на встречу к неизвестной пока персоне, я планировал гневно рассмеяться ему в лицо, оскорбиться и даже, возможно, вызвать его на дуэль. Ведь допустить мысль, что граф Булгаков может поставить собственные интересы выше государственных, – оскорбление. И дуэльный кодекс вполне дозволяет дворянину вызвать на дуэль крепостного от пятого ранга.

Я смотрел на пролетающую за окном Москву и строил планы.

Ну вы же в курсе, как повеселить Бога?

Глава вторая

Тенистый дворик внутри Садового кольца, больше похожий на колодец северного брата – Питера. Как-то много у меня этих внутренних дворов за одно утро.

Низенькое крыльцо, длинный коридор, несколько сквозных комнат – и наконец, высокая белая дверь, перед которой замерла пара крепостных казаков с обнаженными шашками в руках и спиральками телефонных гарнитур, уходящими под лацканы сюртуков.

Правая створка отворяется, я вхожу и склоняюсь в поклоне.

– А ведь я так и не выразил вам личные соболезнования по поводу гибели графа Аркадия Дмитриевича три года назад.

– Ваше Величество прислали венок и телеграмму.

– Да, я помню, я в то время находился с визитом в Аме-

риканских штатах, но позже… – император делает паузу и внимательно смотрит мне в глаза, – позже, по возвращении, я должен был пригласить вас, сожалею, что не сделал этого тогда.

– Вы ведь не для этого… – я тоже делаю паузу и, вернув взгляд Его Величеству, продолжаю: – …не для этого меня сегодня, кхм, пригласили?

Его Величество Александр IV, словно в задумчивости, подкручивает ус и продолжает внимательно меня рассматривать.

– Я встречался с вашим батюшкой. Мы не приятельствовали, он всегда сторонился света, а жаль, знаю, он был интересным человеком. Вы на него отчаянно похожи. Тот же лоб, подбородок, глаза… Да и в деловой хватке, как мне докладывали, вы тоже своих предков не подводите, с вами «Ладога» налогов на семь процентов больше платит, значит, идет дело семейное, не так ли?

Что это? Что за неожиданная высочайшая аудиенция? При всей значимости моей фамилии, прав император, придворными Булгаковы никогда не были. Неужели Его Императорское Величество пожелал включить в гербарий своих ближних нового человека? Для забавы?

Вероятно, мысли отразились на моем лице или я смотрел очень уж недоуменно. Этот взгляд у меня отлично получается, никто в здравом уме не усомнится в том, что я действительно ничего не понимаю.

Император усмехается и, чуть сощурив левый глаз, делает приглашающий жест.

– Арсений Аркадьевич, не ищите, пожалуйста, смысла в сегодняшнем дне. Если я все верно рассчитал, то к верным выводам вы никогда не придете, только время зря потратите и удовольствия от завтрака не получите. Вы ведь, насколько мне известно, позавтракать не успели? Я, признаться, тоже, кроме пары чашек кофе, с утра еще ничего не ел. Будьте столь любезны, разделите со мной завтрак.

– Сначала я подумал, что меня по Бутырской крепости провели для осознания, чтобы я прочувствовал, что может за отказом последовать. Но потом… Нет, не так бы меня пугали, тут что-то иное.

– Очень интересно. Пока вы верно идете, докрутите идею или подсказать?

Александр IV – правнук Николая II Решительного, вернувшего в 1917-м крепостное право. Государю уже за семьдесят, он родился в середине прошлого века, а на престол взошел в 1980-м, так что по продолжительности правления он уже обошел Мать Отечества – Екатерину II Великую, правившую тридцать четыре года. При нем российская экономика стала крепка, как никогда прежде. Поговаривают даже, что в историографии Александр IV может остаться с титулом Рачительный.

Император сидит в глубоком кожаном кресле, нога на но-

гу, на низком столике красного дерева дымится пузатый заварник, из которого Его Величество сам подливает чай в прозрачную фарфоровую чашечку. Глоток – беседа, снова налить чай на мизинчиковую глубину – опять глоток. Вероятно, государь любит погорячее. Знать бы, что это означает для меня.

Такой же чайничек стоит и с моей стороны столика. Я подливаю себе янтарный ассам и, повинуясь поощрительному кивку монаршей головы, продолжаю рассуждения.

– Если все действие было направлено не на меня, не на то, чтобы меня напугать или к чему-то склонить, значит, это делалось для кого-то? – я отпиваю чай и улыбаюсь. – А ведь жандармы могли меня взять на подземной парковке, всем известно, что я сам вожу машину и на работу езжу ежедневно. А если нужно было именно в квартире меня взять, чтобы я, например, – вновь улыбаюсь, – чтобы я позавтракать не успел, то наверняка можно было любую квартиру консьержу назвать или вообще, прикрывшись удостоверениями, пройти. Значит, ваши люди консьержу подсветили, за кем опричники пришли. Еще и в форме, на гербовых машинах… Потом по «Бутырке» меня наверняка мимо нужных камер провели…

– Больше того, вас в нужное время у парадной в служебные машины усадили, в нужное время в тюремном дворике выгрузили. Вы хорошо идете, попробуйте финал не смазать, – император одобрительно щурится.

Какие интересные у него глаза. Светло-голубые, как у многих стариков, их цвет уже не сияет, словно в акварель капнули лишнюю каплю воды, но в них, скорее, не водой синеву разбавили, а серебром металла.

– Значит, мой арест должны были увидеть минимум три зрителя плюс консьерж, в нашем доме он наверняка сидит на зарплате у пары журналистов, плюс обитатели, уж не знаю, камер или кабинетов в тюрьме, мимо которых меня провели.

– Вы упустили еще один элемент пазла: за вами ведь могли приехать сотрудники в цивильных платьях, а не в синих жандармских кителях с саблями и пистолетами, на неприметных машинах, а не на оклеенных гербами с мигалками.

– Ваше Императорское Величество, вы правы, сделать верный вывод из всех этих вводных я не смогу, слишком широкое поле, слишком много странных вводных… Никогда не думал, что моя первая просьба к вам будет такой, но будьте милостивы, скажите, чем я заслужил сегодняшнее утро?

– Арсений Аркадьевич, знаю, вы не женаты, может, невеста, любовница? – не отвечая на мой вопрос, спрашивает Александр Петрович.

– Ничего такого, Ваше Величество, боюсь, я не настолько привлекателен, как кажусь на первый взгляд.

Император приподнимает бровь, показывая, что он понял шутку, оценил ее, но время для подобного общения между нами еще не наступило. И вряд ли мы оба доживем до того момента, когда это время придет.

Александр Петрович вновь прикасается к заварнику, наливает в чашку несколько граммов темно-янтарного чая и, не глядя на меня, продолжает в той же полуофициальной манере. При этом совершенно будничным голосом он делает мне комплимент и задает два вопроса, этот комплимент отменяющие.

– Арсений Аркадьевич, вы – большой патриот России. Ваша семья столетия служила моим предкам, а после 1917-го Булгаковы стали капитанами нашего купечества. Но вы – последний из рода. Поэтому я задам вам два вопроса и, уверяю, приму любой ответ. Арсений Аркадьевич, вы готовы умереть за Россию или за меня, императора? Именно так: или – или. – Его Величество делает глоток и только теперь смотрит мне в глаза. – Обещаю вам, граф, что я одинаково с пониманием приму любой ответ, в том числе тот, в котором ваш долг перед семьей и предками, долг продолжателя рода вы поставите выше долга перед землей, на которой вы живете, и перед человеком, по воле Всевышнего поставленного этой земле хозяином.

Ответ готов. Я ни разу не задавал себе этот вопрос, но ответ у меня есть. Мне не нужно думать, взвешивать, рассуждать. Но я не отвечаю сразу.

От того количества ругательств, которые я проглотил и не выпустил наружу, у менее бесчувственного человека моментально разыгралась бы изжога.

Я молчу. Я молчу, потому что если не сдержусь – я по-

теряю все. Я потеряю семейное дело, родину, возможно, жизнь. Конечно, формально вызвать Его Величество на дуэль я не могу, но ведь по дворянскому кодексу «жизнь принадлежит Родине, честь – никому».

– Вы задумались, граф.

– Я сдерживаю себя, Ваше Величество.

– Отчего же вы себя сдерживаете?

– Ваше Величество, вы правильно сказали, что Булгаковы всегда были патриотами и служили императорам России верой и правдой. Не или – или, как, простите, в вашем вопросе, а Родине и императору. А ваш вопрос, прошу еще раз простить, он на вопрос к ребенку похож, про то, кого тот больше любит, папу или маму. – Я берусь за чашку, в горле у меня сухо, словно в пустыне, но тут же возвращаю чашку на блюдце, у меня дрожит рука. Надо же, а я и не знал, что у меня нервы пошаливают. Хотя и лед, по которому я сейчас иду, тонкий, как никогда. – Заданный вопрос всегда предполагает варианты ответов. Задай мне такой вопрос любой человек, я бы бросил ему перчатку.

– Уж не на дуэль ли вы меня вызвать хотите? – смеется император. Смеется не как всемогущий властелин, на которого посмел цыкнуть вассал, не как чемпион, на которого с кулачками бросился карапуз в подгузнике. Его Величество смеется довольно и радостно, словно дед, смотрящий на награждение внука орденом, или отец, получивший от сына в подарок машину на день рождения.

– Ваше Величество, вопрос о том, готов ли граф Булгаков умереть за Родину и императора, не имеет иного ответа, кроме утвердительного.

– Спасибо, Арсений Аркадьевич, спасибо. Иного ответа я и не ожидал, но задать вопрос должен был. О патриотизме вашей семьи всем известно. Булгаковы – один из великих родов, чьи мужчины в 1941-м, в Великую Отечественную, крепостные браслеты надели, чтобы с оружием Родину защитить. Но и тогда ваши семейные патриархи одного, младшего по мужской линии, вашего троюродного кузена оставили. Чтобы род не прервался. А сейчас вы – последний. Потому и должен был я задать вопрос. Но ответ меня удовлетворил. Потому…

Государь достает из внутреннего кармана пиджака плоский кнопочный телефон и бросает в него всего одно слово: «Зайди».

Через мгновение дверь, та же, через которую в комнату попал и я сам, открывается, и входит канцлер, Его Высокопревосходительство Бойко Виктор Степанович. Высокий и при этом коренастый старик с гривой зачесанных назад седых волос и орлиным носом. Я знаю, что ему около шестидесяти пяти, но приглядевшись к его глазам, прибавляю ему сотню лет. Холодные и какие-то всезнающие глаза, будто в мире не осталось ничего, что могло бы их удивить.

Канцлер излучает спокойную, отчетливую властность, которую не то что нарочито нельзя продемонстрировать, а на-

против, спрятать под вежливой улыбкой или сочувственными бровями невозможно. Канцлер излучает власть, он и есть власть, причем признанная. Умение принимать правильные решения и, главное, правильно подавать прессе неправильные, сделали канцлера любимцем пенсионеров, а это о чем-то да говорит.

Что же, сегодня я побывал в тюрьме, позавтракал с императором, с кем еще мне продолжать утро, как не с главой правительства Российской империи?

Но вот беседа со вторым человеком государства у меня как-то сразу не задалась. Очень сложно вести светский или деловой разговор с человеком, который, только зайдя в комнату и даже не поприветствовав, протягивает вам бумагу с приговором.

Нет, разумеется, это не был приговор суда или какой-то именной указ Его Величества. Но по силе воздействия на мою судьбу этот лист мог бы с таким же успехом иметь лаконичную надпись «казнить» и подписи дюжины судей.

Еще даже не начав читать, лишь взглянув на плотный белый лист, я уже понял, что эта бомба может меня разорвать. Озаглавлен документ был затейливо: «Манифест о необходимости свержения императорской власти и об отмене крепостного права в государстве Российском». Частые, убористые строки бисерным почерком с чуть заметным завалом влево, витиеватые, уходящие своими петельками далеко в левую сторону завитушки букв «у», «д» и «з», буква «ф», в

написании больше похожая на греческую «фи», и совершенно печатный вид буквы «т». Этот почерк я узнаю без труда. Мне даже не нужно опускать взгляд вниз, на подпись. Однако любопытство берет свое, и я пристально разглядываю автограф внизу листа. Титул, имя без отчества, фамилия. Подпись, про которую мой отец однажды сказал, что она напоминает ему парусник. Эта подпись появилась двадцать лет назад, и с тех пор она не менялась. Мне этот автограф всегда нравился. Четкий, лаконичный росчерк, действительно напоминающий взлетающий на волне фрегат. Какого черта тут делает эта подпись? Что тут вообще происходит?

Я смотрю на лист, исписанный моею рукой, разглядываю свою подпись, зачем-то переворачиваю бумагу и несколько мгновений смотрю на белоснежность обратной, пустой стороны. Вновь переворачиваю «манифест», будто в надежде, что сюр развеется и я увижу непохожесть, отличия, подтверждение непричастности.

Манифест написан мною. Подпись тоже безусловно моя.

Взгляд вырывает разбросанные по полю строк слова «революция», «уничтожение самодержавия», «спасение России». Эти слова повторяются особенно часто.

Я улыбаюсь. Лучше бы уж берлинская прима оказалась одновременно матерью, женой и младшей дочерью германского кайзера.

Я откладываю бумагу и наливаю себе чай. Будто в доказательство моего плачевного положения, из заварничка тон-

кой спиралькой вытекает не больше столовой ложки.

Словно не замечая пустоты своей чашки, делаю подобие глотка, промакиваю губы салфеткой.

Когда-то отец, отличный переговорщик, учил меня, что переговоры ведет тот, кто говорит, а вот выигрывает их тот, кто молчит. Надеюсь, он пришел к такому выводу не в подобной ситуации.

– Арсений Аркадьевич. Вы подтверждаете авторство сего документа? – голос канцлера низкий, раскатистый, боярский.

Канцлеру около шестидесяти пяти, и он один из самых пожилых крепостных руководителей империи. Вообще, то, что крепостные могут выйти на свободу в пятьдесят, сильно омолодило государственное руководство. Средний возраст правительства в позапрошлом веке был за шестьдесят. Были даже ограничения по возрасту, занять некоторые государственные посты можно было лишь после сорока. Я готов уважать возраст, но только если речь идет об алкоголе. Считать любого старика априори мудрым – как минимум глупо. Вспоминаю лица нынешних министров, а ведь им почти всем – около сорока, еще крепкие и открытые, но уже и мудрые. Мужчины, которые «еще», а не «уже». Может, из этой команды и черпает силы наш пожилой канцлер?

А ведь вместо золотого браслета, как подобает крепостному, канцлер носит золотую нитку: тоненькая веревочка дважды обегает канцлерское запястье. Я смотрю на главного ра-

ба империи и вновь улыбаюсь.

Нет, я все же не мой отец, молчать на переговорах я еще не научился.

– Если бы вы допускали мое авторство, меня тут не было бы. По крайней мере того спектакля, о котором мы говорили с вами, Ваше Величество, – я вежливо киваю в сторону императора, – точно бы не случилось. Значит, у вас есть доказательство моей непричастности к этой, кхм, бумажке.

– Вы правы, мы уверены, что этот документ составлен не вами, хотя, начистоту, мнения графологов разделились примерно пополам, потому в суде уверенно заявить, что вы к документу непричастны, не получится. Позвольте, я введу вас в курс и дальше мы втроем, – повторение моего почтительного полупоклона в сторону императора, – подумаем, что нам в этой ситуации стоит предпринять.

Виктор Степанович садится в кресло, кладет руки на широкие подлокотники, смотрит на Его Величество и, получив одобрительный взмах рукой, начинает рассказ.

– Экономическая ситуация в России вполне приемлема как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, мы планируем устойчивый рост ВВП, а значит, и уровень жизни россиян не упадет. Но вот в политической жизни намечается ряд вопросов. Грубо говоря, часть свободных граждан страны, обыватели, не имея бытовых проблем, возомнили себя интеллигенцией. Без образования, без соответствующей занятости, однако… А интеллигенту по определению положе-

но думать о судьбах, причем желательно не о своей жизни, в которой, чтобы что-то поменять, нужно что-то делать, а о ком-то абстрактном, сиром и угнетенном. Вот и встал в некоторых кругах вопрос: а почему часть российского населения не имеет общечеловеческих прав? Почему в просвещенной России двадцать первого века существует рабство? Вам, Ваше Сиятельство, известно, сколько политических партий в империи?

– Учитывая, что в партии могут объединяться лишь свободные граждане, а они даже в профсоюз объединиться не хотят, думаю, с десяток?

– Более сотни, в империи более сотни политических партий и объединений. И бог бы с ними, собираются обыватели в кофейнях и пивных, кассу заведениям делают, жандармы за ними вполглаза приглядывают. Вы ведь высшее образование в частном университете получали? Конечно, это не уровень государственных вузов, но все же основы вы проходить обязаны были. Вы ведь знаете, какая ситуация сложилась в 1917-м?

– К сожалению, не знаю, – я виновато развожу руками, давая понять, что искренне сожалею.

– Боже мой, как можно этого не знать?!

– Элементарно, как я.

– Хорошо, но про социал-демократическое движение прошлого века вы на уроках истории наверняка слышали. Про меньшевиков что-нибудь помните?

– Лишь то, что они не большевики, – смущенно отвечаю я. Образование в частных учебных заведениях действительно отличалось от государственного, для тех, кто подписал контракт с обязательством работать на государство, в империи предоставляется все самое лучшее. Только в государственных университетах учили глубоко и всему. Как однажды заметил мой камердинер, если на уроках финансовой грамотности в государственных заведениях рассказывают о ценных бумагах и инвестициях, то в частных колледжах учат не свистеть в помещении.

– Верно, не большевики, – в ухмылке канцлера превосходство госслужащего или мне лишь показалось? – Меньшевики – это радикальное крыло Социал-демократической рабочей партии. Рабочей, прошу заметить, хотя в их руководстве людей с опытом реальной работы… Так вот, не углубляясь в подробности. Меньшевики планируют организовать в Российской империи революцию, свергнуть самодержавие, отменить крепостное право. А флагом, символом революционного движения станете вы, граф Арсений Аркадьевич Булгаков.

Я уже говорил, что мой батюшка был великолепным переговорщиком? Он вообще отлично умел общаться с людьми. Мне кажется, он мог послать человека к чертям так изящно, что посланный с нетерпением бы ждал этого путешествия. Один из отцовских советов заключался в том, что спорить с абсурдом не нужно. Если кто-то с бородой утверждает, что

он – женщина, если кто-то говорит, что вода течет вверх, а огонь горит вниз, не стоит спорить.

Если кто-то утверждает, что я возглавлю революцию…

Молчание во время встречи всегда гнетет. Если в комнате находится больше одного человека, в ней наверняка возникнет разговор. Кто-то обязательно не вынесет тишины. Поэтому я молчу, и в ответ на мое молчание Виктор Степанович начинает рассказывать.

За каждой более-менее серьезной политической партией, разумеется, присматривают. Император никогда не был тираном, свобода слова в империи – не просто лозунг. Но и о безопасности Александр IV никогда не забывал.

Куратор, наблюдатель появился у меньшевистского крыла Социал-демократической партии примерно год назад. Как только на съезде партии в пивнушке «Пятое колесо» меньшевики, желающие проводить реальные физические акции, отделились от большевиков, желающих продолжать встречи и обсуждения, как только об этом стало известно жандармерии, так у меньшевиков и появился куратор.

Ну а когда меньшевики начали марать столичные стены политическими граффити, тут уже было решено в их ряды агентов внедрить. Уж больно много красного, кровавого цвета в настенных рисунках было. Вот от одного из агентов жандармам и стало известно, что революционеры собирают оригиналы рукописных текстов видных государственных служащих, военных, высшего духовенства и дворянства. Для чего

это им нужно, стало понятно, когда агент сумел выкрасть тот самый, написанный якобы рукою графа Булгакова манифест о свержении самодержавия.

– Агент, передавший нам бумагу, погиб при невыясненных обстоятельствах. То ли несчастный случай, то ли его меньшевики… – канцлер высоко крестится, мысль о том, что в империи произошло политическое убийство, способна покоробить кого угодно. – Главное, мы не знаем, известно ли им о том, что он работал на нас, и знают ли они, где сейчас эта бумага…

– А почему вы их просто не арестуете, раз ваш агент был в их шайке, то имена вам известны?

– Убейте всех, Господь своих узнает? Времена аббата Арно давно, слава богу, прошли. Во-первых, нельзя вот так запросто всех несогласных в тюрьмы кидать, разговоры пойдут, перед соседями неудобно, – улыбаясь, произносит император. И добавляет уже серьезным тоном: – Но главное, у нас есть не все имена. Как на высоком тотемном столбе у американских аборигенов, мы видим только лица идолов чуть выше нашего роста, а кто там наверху столба вырезан?

– Мы знаем, что за ниточки кто-то дергает, кто-то стоит надо всем этим, руководит, но вот кто… – канцлер говорит задумчиво, рассуждающе. – Мы, признаться, уже пробовали с несколькими, брали их за кадык и вежливо приглашали к нам в подвал. У нас там такие милые люди работают, у них глаза такие прозрачные-прозрачные, с ними любой раз-

говорчивым становится. Но вот главного имени мы так и не узнали… Кстати, про кадык, подвал и глаза, Арсений Аркадьевич, вы ведь понимаете, что это, конечно, шутка, – и, чуть помедлив, канцлер добавляет; – Но вам лучше эту шутку запомнить.

Я запомнил. Хоть я и понимаю, что второй человек государства не может быть мягким, плюшевым мишкой, он просто обязан, это в его инстинктах, показывая пряник, и кнут обозначать, однако от этого понимания мне не легче. Вспоминается Торквемада, его дружеский разговор и открытый огонь, которыми он располагал к откровениям любого.

Сглотнув, смотрю на императора, перевожу взгляд на канцлера.

– Ваше Величество, Виктор Степанович, я все еще не могу понять, для чего вы мой арест кому-то показывали?

– Да не кому-то, а всей стране уже показали. Консьерж из вашего жилого комплекса оказался даже пронырливее, чем мы рассчитывали. Он не просто позвонил и слил журналистам новость, он еще и видео продал, шельмец. Кстати, вам он ведь тоже позвонил, пока наши люди в лифте ехали? Ласковое дитя двух маток сосет… В общем, по Центральному имперскому в новостях пятнадцать минут назад уже прошел сюжет. Пока основная версия экспертов – ваши сношения с индусами, но покамест никакой политики, исключительно промышленный шпионаж, причем пока что эксперты не определились, вы покупаете секреты или, наоборот, продае-

те, – канцлер улыбается.

Кажется, я впервые вижу улыбку на этом лице. А вот мне улыбаться совершенно не хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.